

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертационное исследование
Хамидовой Манзуры Файзуллоевны,
на тему «Правовые последствия присоединения Таджикистана
к Статуту Международного уголовного суда»,
представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по
специальности 12.00.10 – Международное право. Европейское право**

Оппонируемая диссертация выполнена, безусловно, на весьма актуальную тему. Подписание в 1998 г. Статута Международного уголовного суда и его вступление в силу в 2002 г. явилось важным этапом в совершенствовании органов международной уголовной юстиции. Впервые было создано международное уголовное судебное учреждение, призванное преследовать наиболее тяжкие международные преступления, действующее на постоянной основе, которое, однако, не подменяет существующие национальные правоохранительные органы, а должно взаимодействовать с ними и в случае необходимости оказывать им содействие в достижении общей цели. Тем самым у государств, присоединившихся к Статуту Международного уголовного суда, возникает целый ряд юридических проблем, без разрешения которых они не смогут выполнить взятые на себя по Статуту обязательства, а Международный уголовный суд - функционировать надлежащим образом. Именно рассмотрению этих проблем, вставших перед Республикой Таджикистан после ратификации ею Статута Международного уголовного суда, и посвящено диссертационное исследование М.Ф. Хамидовой.

Научная новизна работы не вызывает сомнений и определяется самим содержанием рассматриваемых в нем вопросов. До сих пор в таджикской, правовой доктрине не проводилось комплексного исследования юридических проблем, возникающих в результате присоединения Таджикистана к Статуту Международного уголовного суда.

В настоящее время Республика Таджикистан является единственным из государств-членов Содружества Независимых Государств, которая ратифицировала Статут Международного уголовного суда. Учитывая исторически обусловленное сходство правовых систем государств-членов СНГ, представляется, что опыт разрешения Таджикистаном юридических проблем, вытекающих из членства в Международном уголовном суде, представляет значительный интерес и для других государств – членов СНГ, в том числе и для Российской Федерации, которая подписала, но пока не ратифицировала Статут Суда.

По содержанию диссертационное исследование М.Ф. Хамидовой можно разделить на две основные части. В первой части, к которой можно отнести первую главу «Статут Международного уголовного суда и правовая система Республики Таджикистан», а также первый параграф второй главы «Проблемы соотношения международной и национальной уголовных юрисдикций», рассматриваются теоретические проблемы соотношения норм Статута Международного уголовного суда и национальных правовых систем, влияние обязательств, вытекающие из членства в Международном уголовном суде, на правовые системы государств-участников и правовые механизмы их имплементации. Подробно анализируется место международно-правовых актов в правовой системе Таджикистана. При этом теоретические положения соотносятся с конкретными нормами законодательства Республики Таджикистан.

Во второй части работы, включающей из второй главы «Вопросы соотношения и совместимости норм Статута Международного уголовного суда и положений Конституции Республики Таджикистан» второй параграф под названием «Проблемы совместимости норм Статута МУС и норм Конституции Республики Таджикистан» и всю третью главу, названную «Имплементация норм Статута Международного уголовного суда в законодательство Республики Таджикистан», соискатель проводит анализ соотношения конкретных норм Статута Международного уголовного суда и

законодательств Таджикистана. Вполне естественно, что такой анализ начинается с рассмотрения проблемы совместимости положений Статута Суда и норм Конституции Республики Таджикистан. обстоятельно проанализировав пять положений, при применении которых могло бы возникнуть противоречие между Конституцией Таджикистана и Статутом Международного уголовного суда, (а именно положения о комплементарности Международного уголовного суда, положений Конституции о невыдаче собственных граждан, о неприкосновенности высших должностных лиц, о запрете повторного осуждения за одно и то же преступление и о порядке помилования), автор приходит к выводу о том, что Статут Международного уголовного суда может применяться в полном объеме на территории Таджикистана.

В третьей главе работы, посвященной имплементации норм Статута Международного уголовного суда в законодательство Республики Таджикистан, автор диссертации рассмотрел различные способы имплементации норм Статута Суда, применяемые в государствах-членах, проводя сравнительно-правовой анализ положений Статута Международного уголовного суда и Уголовного кодекса Республики Таджикистан. При этом автор выделяет целый ряд конкретных положений Статута Суда, которые полностью или частично не закреплены в действующем законодательстве Таджикистана, и вносит конкретные предложения о восполнении имеющихся пробелов. Среди таких положений можно отметить принцип, закрепленный ст. 28 Статута об ответственности командиров за действия своих подчиненных, находящихся под их эффективным контролем, а также нормы ст.7 Статута, дающей определения преступлений против человечности, и пяти составов военных преступлений, предусмотренных в ст.8 Статута Международного уголовного суда.

Особо следует отметить последнюю главу диссертации, посвященную весьма интересному и важному для практической деятельности Международного уголовного суда вопросу - вопросу правового

регулирования сотрудничества между ним и Республикой Таджикистан. Здесь автором выявлены весьма серьезные лакуны в действующем законодательстве Республики Таджикистан, которые могут помешать ей надлежащим образом выполнить свои обязательства. Можно согласиться с мнением автора о необходимости принятия специального закона о сотрудничестве Таджикистана с Международным уголовным судом, в котором были бы определены компетентные национальные органы, отвечающие за сотрудничество с ним, а также формы оказания взаимной правовой помощи.

Особый интерес представляет анализ автором Соглашения между правительствами США и Таджикистана от 26 августа 2002 г., согласно которому стороны обязались, в том числе, не передавать Международному уголовному суду граждан другой стороны, находящихся на их территории. Не вызывает сомнений мнение автора о том, что положения данного Соглашения находятся в противоречии с обязательствами, принятыми на себя Таджикистаном в соответствии со Статутом Международного уголовного суда.

В целом диссертационное исследование М.Ф. Хамидовой основывается на анализе большого количества международно-правовых актов и законодательства Республики Таджикистан, а также на работах отечественных и зарубежных ученых в сфере международного права и международного гуманитарного права. Предложения и выводы, сформулированные автором, вытекают из содержания диссертации, обладают новизной, обоснованы и критически оценены. Они имеют как теоретическое, так и практическое значение и могут быть использованы в законотворческой деятельности, а также в учебном процессе при преподавании международного публичного права, спец.курсов «Международное уголовное право», «Международное гуманитарное право». В целом автор справился с поставленными перед собой научными задачами и в своем исследовании дал достаточно полную характеристику правовых

последствий присоединения Таджикистана к Статуту Международного уголовного суда.

Вместе с тем по работе можно сделать и ряд замечаний.

1. Во введении объект исследования изложен не в соответствии с содержанием диссертации. В качестве объекта исследования, прежде всего, выступают правовые отношения между Республикой Таджикистан и Международным уголовным судом по имплементации обязательств, вытекающих из присоединения РТ к Статуту МУС.

2. Вряд ли можно согласиться с выводами соискателя о том, что, «в целях избегания различных толкований положений Конституции РТ (ст.16) о запрете выдачи собственных граждан иностранному государству» и передаче их международным судебным учреждениям, следует внести в Конституцию РТ соответствующую поправку.

Между тем в Статуте рассматриваются положения о предоставлении лица в распоряжение Суда (ст.59 п.7), передаче лица Суду (ст.89), а в ст.90, в которой регулируются коллидирующие просьбы, проводится разграничение между предоставлением лица в распоряжение Суда и выдачей лица другому государству в соответствии с международным обязательством.

Данная проблема рассматривалась также и в Комиссии международного права ООН при обсуждении темы « Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (aut dedere aut judicare)». В окончательном докладе по данной теме, представленном и утвержденном на 66 сессии в июле-августе 2014 года, отмечались пробелы в действующем договорном режиме; говорилось о передаче подозреваемого в Международный Суд или специальный суд в качестве потенциальной «третьей» альтернативы выдачи или судебному преследованию.

Комиссия пришла к выводу о том, что государства при разработке договоров могут сами решать, какая из договорных формул касательно выдавать или осуществлять судебное преследование наилучшим образом соответствует их цели в данном конкретном случае. Кроме того, КМП

констатировала, что «благодаря созданию Международного уголовного Суда и различных международных уголовных трибуналов ad hoc государство, несущее обязательств выдавать или осуществлять судебное преследование, может теперь прибегнуть к третьей альтернативе-передаче подозреваемого компетентному международному уголовному трибуналу».

Многие аспекты этой важной проблемы в ходе обсуждения в КМП носили дискуссионный характер, которые однако не были отражены в диссертации.

Нам представляется, что внесение поправок и изменений в Конституцию государств довольно сложная процедура и, тем более, что Конституция РТ не предусматривает запрет передачи собственных граждан международным судебным учреждениям, кроме невыдачи иностранным государствам, и поэтому, на наш взгляд, нет никакой необходимости внесения соответствующих дополнений в основной закон Республики.

3. Применительно ответственности высших должностных лиц государства за совершение преступлений, предусмотренных в ст.7 Статута МУС, диссертантом обоснован вывод о том, что указанные лица Республики могут нести ответственность по национальному законодательству, что соответствует международно-правовым обязательствам РТ. Это все правильно. А как быть с юрисдикцией МУС в случае передачи ситуации Советом Безопасности или самим государством, когда « государство не желает и не способно внести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом?».

Между тем, несмотря на дискуссионность данной проблемы о верховенстве конституционных норм государства над международно-правовыми нормами, ст.27 Венской Конвенции о праве международных договоров конкретно предусматривает норму о том, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. В практике Международного уголовного суда уже имеется прецедент, когда Суд 21 июля 2008г. выдал ордер на арест

Президента Судана по обвинению в геноциде, а также ордер на арест судом был выдан в отношении ливийского лидера Мухаммада Каддафи в июне 2011г. и т.д.

4. Рассматривая вопросы имплементации норм МУС о преступлениях геноцида, военных преступлениях, преступлениях против человечности и агрессии, соискатель правильно предлагает внести соответствующие изменения в УК РТ или принятия нового Уголовного кодекса. Однако при этом следовало бы учесть, что в статьях 5-8 Статута предусматривается 5 форм геноцида, 15 форм преступлений против человечности и 50 различных военных преступлений. Составы преступлений в уголовных законодательствах государств сформулированы довольно кратко в целях общедоступного понимания и трактовки их национальными судами. Более того, Статут содержит в качестве пояснений «элементы преступлений», в которых дано достаточно широкое и объемное разъяснение геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности.

В этой связи возникает несколько вариантов их имплементации: в Уголовном кодексе Республики Таджикистан предусмотреть новые главы – «преступления против человечности», «военные преступления».

Возможен другой вариант – в соответствии с ч.3 ст. 10 Конституции РТ и ст. 4 Закона РТ «О международных договорах», не затрагивая санкции названных международных преступлений, закрепленных в соответствующих статьях УК РТ, в диспозициях сделать ссылки на предмет прямого использования положений ст. 7 Статута МУС. В частности, в УК РФ имеются составы преступлений со ссылкой на их применение в соответствии с нормами международного права (ст.355, 356 УК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» дано разъяснение о том, что «международно-правовые нормы, предусматривающие признаки состава преступлений, должны применяться

судами Российской Федерации» в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерацией (п.6).

Как известно, если в отношении ответственности за преступления геноцида и военных преступлений имеются международно-правовые акты, то преступления против человечности, кроме указания о них в актах международных судебных учреждений и частично в ст. 21 Проекта кодекса преступления против мира и безопасности человечества, не кодифицированы.

Между тем, в Комиссии международного права ООН на 65 сессии было отмечено, что «глобальная конвенция о преступлениях против человечности является одним из тех ключевых звеньев, которые отсутствуют в современной системе международного гуманитарного, уголовного и международного права в области прав человека. По этой причине работа КМП по данной теме преследовала бы цель разработки проекта статей для будущей конвенции».

В ходе обсуждения данной темы, КМП отметила ее связь с Международным уголовным судом. На 66 сессии Комиссия международного права ООН 18 июля 2014 г. включила в свою программу работы «Преступления против человечности» и назначила специального докладчика.

По данным исследования международного центра прав человека юридического факультета Университета Джорджа Вашингтона, порядка половины государств-членов ООН не располагают национальными законами о преступлениях против человечности, хотя по состоянию на октябрь 2014 года Римский статут подписало 139, а ратифицировало 122 государства, из них 121 члены ООН. Использование данных материалов КМП значительно обогатило бы содержание диссертации.

Тем не менее следует прийти к выводу о том, что отмеченные недостатки и замечания выделяются дискуссионностью и в целом не снижают высокое качество диссертационной работы.

Автореферат соответствует содержанию диссертационного исследования, публикации по теме раскрывают основные положения представленной к защите работы.

В целом, диссертационное исследование М.Ф. Хамидовой соответствует требованиям п.9 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 января 2013г., как научно-квалификационная работа, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития международного права, а её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук.

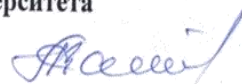
Официальный оппонент

доктор юридических наук,

профессор кафедры международного и европейского права

Казанского (Приволжского) федерального университета

Заслуженный юрист РФ

Р.М. Валеев

